

УДК 81.2я73-102.0

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТРАСТЫ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

П.Н. Донец, докт. филол. наук (Харьков)

На основании модели лингвокультурных контрастов, основывающейся на концепции внутриязыковой формы содержания (смысла), в статье заново переосмысливается проблематика переводческих трансформаций. Предлагается, в частности, разграничение поверхностных трансформаций (заимствования, опущения, добавления, перестановки, исправления, простой замены), а также глубинных (осложненных): морфологических, синтаксических, имплицативных, аналоговых, дефинирования, транспозиции, компенсации и др.

Ключевые слова: внутриязыковая форма содержания, лингвокультурология, лингвокультурные контрасты, переводческие трансформации.

Донец П.М. Лінгвокультурні контрасти і перекладацькі трансформації. На основі моделі лінгвокультурних контрастів, що ґрунтується на концепції внутрішньомовної форми змісту (сенсу), в статті наново переосмислюється проблематика перекладацьких трансформацій. Пропонується, зокрема, розмежування поверхневих трансформацій (запозичення, опущення, додавання, переставлення, виправлення, простої заміни), а також глибинних (ускладнених): морфологічних, синтаксичних, імплікативних, аналогових, дефініювання, транспозиції, компенсації та ін.

Ключові слова: внутрішньомовна форма змісту, лінгвокультурологія, лінгвокультурні контрасти, перекладацькі трансформації.

Donec P.N. Linguocultural contrasts and translating transformations. On the ground of a model of linguocultural contrasts, which is based on the conception of language inner form of content (sense), the article reconsiders the subject matter of translating transformations. In particular, it is proposed to differentiate superficial transformations (borrowing, omission, addition, transposition, correction, simple substitution) and also deep (complicated) transformations: morphological, syntactic, implicative, analog, definition, transposition, compensation, etc.

Key words: contrasts, language inner form of content, linguoculturology, linguocultural translating transformations.

1. Введение. Теория перевода и контрастивная лингвокультурология

В последнее время появились попытки заново переосмыслить проблематику переводоведения в контексте контрастивной лингвистики [2]. Этот подход можно признать вполне оправданным, учитывая, что на момент своего создания (начало 70-х годов) контрастивная лингвистика декларировалась как дисциплина, изучающая использование иностранного языка в ходе его изучения, в общении и при переводе [3]. Представляется, одна-

ко, что – принимая во внимание состоявшийся за истекшее время во многих гуманитарных дисциплинах «cultural turn» – следует говорить не столько о контрастивной лингвистике, сколько о контрастивной *лингвокультурологии*. В связи с этим, кстати, следовало бы заменить привычные термины «исходный язык» (ИЯ) – «переводящий язык» (ПЯ), на «исходную лингвокультуру» (ИЛК) и «переводящую лингвокультуру» (ПЛК).

Ранее [1] нами уже было показано, что главным методом исследования данной дисциплины

является контрастивный анализ, а основной ее единицей – *контраст*. Эта единица бинарна и может быть представлена в виде следующей формулы: «контраст_{x↔y} = специалия_x ↔ лакуна_y», где «специалия» обозначает специфический элемент лингвокультуры_x по отношению к лингвокультуре_y, а «лакуна» – полное или частичное отсутствие этого элемента в лингвокультуре_y. В последнем случае приведенная формула может принимать вид «контраст_{x↔y} = специалия_x ↔ частичный эквивалент (аналог)_y».

Специалии (как, соответственно, и лакуны) могут быть системно-языковыми, дискурсивными (речевыми) и культурными (восходящими к экстралингвистическим особенностям соответствующих культур).

Объектом данной статьи являются немецко-русские лингвокультурные контрасты, предметом – переводческие трансформации, необходимые для их преодоления; цель состоит в том, чтобы заново переосмыслить проблематику переводческих трансформаций под углом зрения модели внутриязыковой формы содержания (смысла) / лингвокультурных контрастов. Актуальность и новизна работы обуславливаются тем, что, несмотря на всю свою традиционность, проблема переводческих трансформаций решена в транслатологии далеко не полностью.

2. К понятию «переводческих трансформаций»

Термин «трансформации» является весьма употребительным в переводоведении, при этом однако, как правило, не расшифровывается, что же «трансформируется» в процессе перевода.

В этой связи нужно вспомнить известное положение В. Гумбольдта о «внутренней форме языка», к сожалению, не развитое и точно не определенное им в своих трудах. С современной точки зрения, вероятно, правильнее было бы говорить о «внутриязыковой форме содержания (смысла)». Таковая возникает благодаря специфическим: распределению содержания между различными уровнями языка, инвентарю словообразовательных и грамматических структур; синтагматическим и парадигматическим связям в лексиконе (к примеру, есть ли у некоторой лексемы синонимы,

антонимы, гипо-/гиперонимы); особенностям номинации – выбору мотивирующего признака при первичном обозначении, вторичной и косвенной номинациям (метафора, метонимия, фразеология и т.д.); явлениям валентности, сочетаемости, узуса, текстовым моделям и многому другому.

Внешняя и «внутренняя» форма каждого языка своеобразны – именно это и обуславливает необходимость *трансформаций* (другими словами, перенесения содержания из одной внешне- и внутриязыковой формы в другую) при переводе.

3. Трансформации поверхностного уровня

Можно выделить трансформации поверхностного и глубинного уровней (простые и осложненные трансформации). К первым можно причислить *заимствование, опущение, добавление, перестановку, исправление и простую замену*.

Заимствованию может подвергаться как внешняя, так и внутренняя форма наименований. В частности, внешняя форма заимствуется (с различной степенью адаптации) при передаче имен собственных (*Berlin* → *Берлин*, *Humboldt* → *Гумбольдт*), а также некоторых реалий (*Eisbein* → *айсбайн*).

Заимствование способно основываться либо на реальном фонетическом облике соответствующего слова (*транскрипция*), либо на «алфавитных» соответствиях (*транслитерация*), ср.: *Eisbein* → *айсбайн*, *эйсбейн*.

Внутренняя форма может заимствоваться в случае такой хорошо известной переводческой трансформации, как *калькирование* (*Eisbein* → «*ледяная нога*»).

Опущение используется, среди прочего, в случае табуированных тем (вспомним многочисленные «вырезанные сцены» при переводе западных фильмов в СССР), инвектив (обценных выражений), избыточности информации (например, если в тексте_x описываются реалии переводящей лингвокультуры_y), а также полностью непередаваемых фрагментов (например, игры слов, аллюзий к текстам ИЛК и т.д.).

Добавление применяется при отсутствии необходимых фоновых знаний у носителей ПЛК, при переводе реалий и культурно-релевантных имен собственных, включая т.н. «прецедентные фено-

мены», в виде внутри- или затекстового комментария («сноска переводчика»), либо путем *дефинирования* (объяснения реалии через ее отнесение к некоторому классу явлений), ср.: ... «айс-байн», *особым образом зажаренная свиная рулька*».

Дефинирование также может являться одним из вариантов передачи терминов (*детерминологизации*): *Mobbing* → *травля кого-либо однокурсниками, коллегами по работе* и т.д.

Добавление имеет место и при *экспликациях* – нейтрализации контраста «имплицитный элемент_x ↔ эксплицитный элемент_y», как это бывает, скажем, при появлении артикля в переводах с русского языка на английский и немецкий.

Перестановка обуславливается различными факторами – наличием рамочных конструкций, особенностями порядка слов, тема-рематического членения предложения, соображениями ритмики, а также узусом. В отношении последнего интерес представляют некоторые обозначения институций, ср.: *Харьковский (1) национальный (2) университет (3) им. (4) В.Н. (5) Каразина (6) → Nationale (2) Karasin (6) – Universität (3) Charkow (1)*.

Исправление как переводческая трансформация встречается относительно редко и используется, если автор текста (типографский наборщик) ИКЛ допустил, по тем или иным причинам, фактологические или языковые ошибки. В каком-то смысле здесь собственно переводческая деятельность пересекается с редакторской.

Замены бывают простыми и осложненными. К поверхностным трансформациям можно отнести первые, в их случае речь идет о наличии (хотя бы контекстно) полных эквивалентов в ИЛК и ПЛК, пусть и с разной внешней формой: *человек* → *Mensch*, *камень* → *Stein*, *делать* → *machen* и т.д.

4. Трансформации глубинного уровня

Осложненные трансформации необходимы в ситуациях, когда требуется перенесение содержания из одной внутриязыковой формы в другую.

Одним из самых сложных контрастов в этом отношении является корреляция «реалия_x ↔ лакуна_y». Для его преодоления могут привлекаться

самые разные трансформации, как поверхностные, так и осложненные. Показательными с этой точки зрения являются варианты перевода немецкой реалии времен Второй мировой войны *Zwangsarbeiter* в тексте «Мечи и орала Третьего рейха» [4] → *1) граждане стран Европы и СССР, принудительно ввезенные (подразумевается, для работы – П.Д.) в Германию, 2) невольники из оккупированных стран, подневольные рабочие, несколько десятков пригнанных из Польши чернорабочих, 3) «остарбайтеры»*.

Первая трансформация представляет собой рассмотренный выше тип «дефинирования», вторая может охарактеризована как *имплицитивная* (см. ниже), а третья – как *аналоговая*: «замена чужой реалии_x менее чужой реалией_x».

В качестве подтипов аналоговых трансформаций могут рассматриваться варианты «замена чужой реалии_x своей реалией_x», к примеру: *Maultaschen* → *пельмени* или «замена чужой реалии_x интернационально известной реалией_z»: *Maultaschen* → *равиоли*.

Возможно также привлечение аналога из близкой тематической сферы собственной или интернациональной лингвокультур: *Anschlusszug* → *стыковой поезд* (заимствование из сферы воздушных перевозок).

Достаточно часто встречается контрасты типа «часть речи_x ↔ иная часть речи_y», они преодолеваются с помощью *морфологических* трансформаций, к примеру: ... *beim Lesen* → ... *читая*... Подобные трансформации иногда называют также *конверсией* или *транспозицией*, однако представляется, что последний термин целесообразнее зарезервировать для контрастов разновидности «единица языка_x уровня¹ ↔ единица языка_y уровня²», ср.: *X lernte neue Wörter, indem er Bücher in der Fremdsprache las* → *X учил новые слова, читая книги на иностранном языке*.

К морфологическим трансформациям можно отнести также замену числа типа *Informationen* → *информация*, *das Wissen* → *знания*, а также рода существительных. Большей частью, эти контрасты не создают затруднений для перевода, однако могут актуализироваться при олицетворении, ср. *смерть-старуха* (женский род) ↔ *Gevatter Tod* (мужской род).

К тому же типу трансформаций принадлежат замена страдательного залога действительным, местоимения – существительным или наоборот, согласительного наклонения – изъявительным и т.д.

К синтаксическим трансформациям будет оправданным причислить изменение порядка слов, замену падежных объектов на предложные, несогласованных определений на согласованные, подчинительной связи на сочинительную, объединение/разъединение предложений и т.д.

Одним из самых важных с точки зрения перевода является контраст «языковая единица_x с ВФН¹ ↔ языковая единица_x с ВФН²», где ВФН – внутренняя форма наименования. Под последней в лингвистике традиционно понимается отбор мотивирующего признака в первичной лексической, а также во вторичной/косвенной образной и фразеологической номинациях.

Сами по себе отличия в ВФН обычно «прозрачны» для перевода и требуют простых замен (*одуванчик* → *Löwenzahn*, *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* → *яблочко от яблони недалеко падает*, *Bitte?* → *Простите, что Вы сказали?* и т.д.), в худшем случае они могут выступить «ложными друзьями переводчика» или вызвать hesitation при устном переводе.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда ВФН становится триггером размышлений автора (говорящего), ассоциаций, риторических приемов и т.п., ср. пример из «Галилео Галилея» Б. Брехта: *«Ihr mögt mit der Zeit alles entdecken, was es zu entdecken gibt, und euer Fortschritt wird doch nur ein Fortschreiten von der Menschheit weg sein»* [5, с. 143] (*Fortschritt* по-немецки – «прогресс», а *fortschreiten* – «уходить, отдаляться»). Показательно, что даже такой опытный переводчик, как Л. Копелев, не справился с этим контрастом и фактически прибег к трансформации опущения: «*Со временем вам, вероятно, удастся открыть все, что может быть открыто, но ваше продвижение в науке будет лишь удалением от человечества»* [6, с. 17].

При контрастах «метафора_x ↔ лакуна_y» возможными решениями будут *деметафоризация*, к примеру, *Schwalbe* → *картинное падение в штрафной соперника* или *реметафоризация* *Abrissbirne* → *асфальтовый каток* (например, ... реформ).

Слово *Abrissbirne* («груша для сноса») представляет интерес уже тем, что является метафорой в своем первичном значении, в отличие от соответствующего русскоязычного строительного термина «стенобитный шар».

Использоваться оно может и в качестве метонимии, ср.:

«Bis, ja bis Ende der Neunziger die Abrissbirne kam. Denn dort, wo ein Flachbau ein Jahrzehnt lang Hamburgs Independent-Szene prägte, (...) steht nun ein Wohnungsblock im ortsüblichen Schuhkartondesign [7].»

В качестве переводческого решения здесь можно было бы предложить либо *деметонимизацию* (→ ... *до тех пор, пока клуб не был снесен в конце 90-х*), либо *имплицативную трансформацию* (→ ... *до тех пор, пока в конце 90-х здесь не пошли в ход бульдозеры*).

Термин «имплицативная трансформация» представляется более удачным, нежели также фигурирующие в теории перевода понятия «смысловое развитие» или «модуляция», поскольку лучше отражает суть проблемы: многие комплексные феномены/процессы («Если А, то В, то С, то D...») позволяют обозначать себя на основании различных звеньев имплицативной цепочки. Так, сложное действие «снос дома» включает в себя элементы: обнесение забором здания, его снос с помощью различных средств – ковша экскаватора, стенобитного шара, гидроразрывщиков или -молота; сгребание обломков бульдозерами, вывоз строительного мусора автомобилями и т.д. Различные лингвокультуры могут «высвечивать» различные этапы таких процессов – так, немецкая ЛК предпочитает в данном случае звено разрушения, причем стенобитным шаром, а русская – звено сгребания обломков бульдозерами.

При переводе фразеологизмов-специалий могут использоваться схожие операции *дефразеологизации* и *рефразеологизации*. Кроме того, в их случае возможно калькирование, правда, с применением «остраняющих» вводных слов: *Ordnung ist das halbe Leben* → *В немецком языке существует поговорка «Порядок – это половина жизни»*.

Приемом *антонимической трансформации* обычно преодолевается контраст «данность_x ↔ противоположность_y». С учетом различных видов

антонимов здесь можно выделить два подтипа этой трансформации: *негационную* (*xoroxo* → *nicht schlecht*) и *комплементарную* (*Er hat mir ein Buch gegeben* → *Я взял у него книгу*).

Немалую роль в возникновении комплементарных контрастов играет узус (дискурсивные специалии). Так, и в русской, и в немецкой лингвокультурах присутствует антонимическая пара *гандикап* – *фора* ↔ *Handicap* – *Vorgabe*, однако в первой из этих ЛК преимущество отдается «форе», а во второй – «гандикапу», ср. фрагмент из немецкой спортивной статьи и ее возможный перевод на русский язык: *Die durch den Ausfall von Rechtsverteidiger Sebastian Jung, Kapitän Pirmin Schwegler und Top-Torjäger Alexander Meier gehandicapte Eintracht ...*[8] → *Шальке 04 получил фору из-за того, что в матче не смогли принять участие травмированные правый защитник Себастьян Юнг, капитан Пирмин Шwegлер и главный бомбардир Александр Майер...*

Относительно хорошо известны контрасты «гипероним_x ↔ лакуна_y», например, *Geschwister*, *Großeltern*, *Gezeiten*. Преодолеваются таковые, как правило, с помощью *конкретизации* (→ *братья и сестры, бабушки и дедушки, приливы и отливы*), в обратном направлении – с помощью *генерализации*.

Довольно часто встречаются контрасты «нейтральная лексема_x ↔ экспрессивные синонимы_y», к примеру, *весна* → *Frühjahr*, *Frühling*, *Lenz*. Последнее слово является поэтически-возвышенным и не имеет аналога в русской ЛК. Пожалуй, единственная возможность справиться с подобными контрастами – это трансформация *компенсации* (которая, по сути, также представляет собой вариант аналогового перевода), к примеру: *Er zählte 18 Lenze* → *Он был вьюношей восемнадцати годков*, или → *Он был юношей осьмнадцати лет*.

Использовать этот прием может и в отношении контраста «диалектизм_x ↔ лакуна_y».

5. Итоги и перспективы исследования

Подводя итоги вышеизложенного, отметим, что модель лингвокультурных контрастов, основывающаяся на концепции внутриязыковой формы содержания (смысла) обладает несомненным эвристическим и дидактическим потенциалом, в частности, позволяет по-новому взглянуть на пробле-

му переводческих трансформаций. Представляется, что в перспективе она сможет составить конкуренцию таким известным моделям, как теория эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донец П.Н. О контрастивной лингвокультурологии / П.Н. Донец // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 9. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – С. 213–218.
2. Шимановская Л.А. Переводческие исследования и их специфика / Л.А. Шимановская // Вестник Казан. технолог. ун-та. – Вып. 3. – 2010. – С. 450–456.
3. Nickel G. Zum heutigen Stand der kontrastiven Sprachwissenschaft / G. Nickel // Nickel G. (Hrsg.) Reader zur kontrastiven Linguistik. – Frankfurt a.M. : Athenäum, 1972. – S. 7–14.

ИСТОЧНИКИ

ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lenta.ru/articles/2017/05/03/mechioralareiha/>.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ciml.250x.com/archive/literature/german/brecht_leben_des_galilei.pdf.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fb2.booksgid.com/content/01/bertold-brehtzhizn-galileya/17.html>.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zeit.de/hamburg/kultur/2016-12/marquee-club-hamburg-st-pauli-erinnerungen/komplettansicht>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/sport_nt/fussball_nt/spielberichte_nt/article115459604/Eintracht-nach-Sieg-gegen-Schalke-auf-Europa-Kurs.html

REFERENCES

- Donec, P.N. (2012). O kontrastivnoj lingvokul'turologii [About a Contrastive Linguoculturology]. In: A. Bakshi & N. Babenko (eds.). *Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov* [Russian Studies of Germanic Languages: An annual collection of works of the Russian Union of Specialists in Germanic Languages]. Vol.9. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., pp. 213–218.
- Nickel, G. (1972). Zum heutigen Stand der kontrastiven Sprachwissenschaft. In: G. Nickel (Hrsg.) *Reader zur kontrastiven Linguistik*. Frankfurt a.M.: Athenäum, S. 7–14.
- Shimanovskaja, L.A. (2010). Perevodcheskie issledovanija i ih specifika [Translation Studies and their Specifics]. *Vestnik Kazan. tehnolog. un-ta – Kazan Technological University Messenger*, 3, 450–456 (in Russian).